

Л. Б. САВИНКОВ

О революции

Еще до сих пор многие склонны рассматривать Революцию как захват власти шайкой интернациональных бандитов. Захват случайный, произошедший благодаря «измене», «жидам» и «левым». По мнению этих многих, революции, собственно, и не было — все лишь недоразумение, темнота народа и ловкость разбойников. Другие говорят: «Да — увы — революция произошла, Россия погибла, России больше нет и не будет. Все, что от России осталось — это полковой значок, висящий в квартире ротмистра NN в Париже». На этих суждениях останавливаться не стоит: это мнение — пусть стилизованное — давно духовно умерших людей, для которых Россия лишь форма: с разрушением «прежней России» для них уничтожилась и сама Россия. Третьи на парижских собраниях покрикивают о необходимости новой «Национальной» Революции. Люди эти не заметили, что Русская Революция (нравится ли это им или нет) — но по характеру своему, по размаху, по скрытым еще пока от многих современников конечным своим целям — с первых дней *уже была национальна*. Не к новой революции нужно стремиться, — необходимо углубить национализацию революции нынешней, уже давно ставшей на защиту национальных интересов России, часто вопреки воле ее внешних руководителей. Ошибочно думать, что Революция началась с Октября (еще того менее — с Февраля) и кончилась крушением «Белого Движения»: истоки Революции нужно искать за двести с лишним лет назад. А продолжается она и по сей день. И не коммунистами кончится. Революция — это эпоха заострения сознания. Она выдвигает новые требования, новые идеи, новые проблемы в предельно-концентрированном виде и требует немедленного (и от того часто скоропелого) их разрешения. Сфера революции есть сфера молодежи, молодых сил, нетерпеливых и страстных, не останавливающихся

перед невозможным и не боящихся ошибок. Ее поле действий — рушащийся прежний правящий слой и выбивающийся из-под его обломков — слой новый. В настоящую минуту, благодаря наличности всех этих данных, Россия находится в состоянии Революции и будет в нем пребывать, пока вопросы, выдвинутые русской историей и поставленные Октябрем, не найдут своего разрешения.

Русскую Революцию нельзя рассматривать как явление местное, касающееся только России: это революция вселенская, и проблематика ее — всемирная. Характерна ее всеземная устремленность — «мировой пожар раздуем». — Это не только кризис сознания русского, но и кризис сознания мирового. Европа давно уже забрела в тупик материализма и бездуховности, и под ее влиянием другие народы попадают в тот же тупик. Именно русский народ, по своей молодости и порывистости, первый произвел попытку пробить вставшую перед ним стену и вырваться на свежий воздух. Сейчас он еще не вырвался — он только вырывается, ослепленный пылью, поднявшейся столбом над рухнувшей стеной, оглушенный грохотом ее падения. Теперь очередь за другими народами: или пробить и у себя брешь — или погибнуть: история не может останавливаться, остановка равносильна смерти.

Недаром не как анекдот привел я в начале этой заметки образчики «воззрений» на Революцию. К сожалению, такие суждения приходится слишком часто слышать в эмигрантской среде. Это доказывает непонимание или незнание русской истории и полную оторванность от русского народного сознания. Типично, что суждения эти исходят из среды или чисто реакционной, т. е. абсолютно некультурной (ибо первое условие культуры есть свобода), или же из среды «интеллигентской», представительницы европейской цивилизации, абсолютно чуждой России. Будто эти люди 50 лет тому назад погрузились в летаргический сон и, только что проснувшись, продолжают прерванный разговор, не зная еще, что произошло за проспавшее время. Круги реакционные народом русским не интересовались никогда. Интеллигенция интересовалась им по-своему, придумывала даже «народные» доктрины, не замечая, насколько она чужда живому, подлинному народу. Борясь с правительством, интеллигенция считала, что народ — с нею, не замечая, что он живет своей особой жизнью и что ему не нужна чуждая, навязываемая ему под видом культуры цивилизация.

Русскую Революцию можно понять, только поняв всю жизнь русского народа — его историю, его душу — его культуру. Но народ нельзя рассматривать как некую сумму живущих теперь русских людей, народ это: жившие, живущие и те, что еще будут жить. Культура российская — это весь духовный опыт народа в его целом.

С этой точки зрения факты масштаба Революции перестают быть «неожиданностью» или «недоразумением», и бесцельный вопрос *почему*, естественно, заменяется творческим *для чего*.

Революция происходит тогда, когда «линия жизни» народа искусственно и болезненно искривлена. Подсознательно чувствуя себя на ложном пути, народ «выпрямляется» — и эта его реакция должна быть соразмерна отклонению, ее породившему. Искривление «линии жизни» российского народа началось, собственно, с Петра. Западная цивилизация, введенная им в качестве «прививки» к основной (русской) культуре, была получена из Европы в уже больном, уже дегенерировавшем виде, а его наследниками она воспринималась как единственно-истинная, как культура «с большой буквы». Она и насаждалась в течение двух веков в ущерб подлинной культуре русской. Интеллигенция, ставшая на защиту народа против правительства, сама воспиталась на этой цивилизации (выродившейся культуре) еще в большей степени, нежели дворянская верхушка правящего класса, и благодаря этому была, как и она, если не больше, — чужда народу. Два века продолжалось расхождение между народом и высшим слоем, к каковому в равной степени надлежало причислить и дворянство, и бюрократию, и буржуазию, и интеллигенцию. История подготовки революционного взрыва (в материальном плане) не столько история нарастания народного сознания, сколько *история разложения правящего слоя*, в котором постепенно слабели и распадалась социальные связи. Восстание декабристов было первым сигналом; с него началось.

Характерно, что в отличие от других народов, в России революции прежде производились сверху: Иван Грозный, Петр Великий, Александр II. Но в 1917 году революция сверху оказалась невыносимой в силу ставшего уже *полным* непонимания правительством народа. Революция «пошла» снизу. Нарыв, назревавший два века, прорвался и затопил гноем страну; *но с выходом гноя организм стал очищаться*.

Мы видим из этого, что революция подготовлялась в течение долгих лет, что она явилась исторической неизбежностью. Отвергать ее, не отвергая русского народа, его путей и его предназначения, — мы не можем. Приветствовать такое явление, не имеющее себе примеров в мировой истории по своим зверствам и ужасам, мы, конечно, также не можем; мы должны просто признать, что свершившееся свершилось.

Задача наша сейчас — не пытаться раздавить Революцию, но использовать ее размах и динамику для национальных достижений. Иначе говоря — «национализировать» революцию, помочь просветлению буйной ее стихии.

Для нас ясно, что эта Революция имеет конечную целью выпрямление искривленной линии нашей истории. Но искривление это продолжалось века, и не мог Октябрь одним махом попасть на верные рельсы. Произошло новое искривление, количественно почти соразмерное предыдущему, но в диаметрально противоположную сторону. И еще немало лет, может быть, понадобится для исправления этого нового, неизбежного зигзага.

В Революции, если всмотреться, мы видим Российскую Идею, как на берегу озера — в опрокинутом отображении: те же задания, но с переменной знака. Вселенскость в форме интернационала. Соборность — в облике коллективизма. Веру — ибо коммунизм есть вера — но в «бога Машину». Жажда блага всемирного. Защиту угнетенных всей земли. Наконец, и самое характерное: сознание исторической миссии, — *миссионизм*. И как не сопоставить его с извечным российским мессианским сознанием; — ведь в нем так и звучит песнь о том, что Россия явит миру новую правду, создаст идеальную форму жизни, станет светочем и руководителем всех народов. Сознание это, замершее двести лет назад под наносным песком чуждой цивилизации, с необычайной силой воспрянуло в самой толще народа теперь, хотя и в искаженном, «негативном» виде.

Россия переживает сейчас кризис болезни, долгой и мучительной, продолжавшейся двести с лишним лет. Коммунизм — не новый мир; это последняя борьба старой болезни с нарастающими новыми силами; отсюда искривления и зигзаги «температуры» в жизни народа, уродливые формы коллективизма и механического материализма. Неужели мы окажемся настолько слепы, что не поймем этой болезни, — а видя лишь ее теперешние формы, постараемся убить самого больного, уже ставшего на путь излечения? Неужели мы будем столь маловерны, что, смущенные ужасом настоящего, проклянем русский народ, разуверившись в его духе и в его извечных, Богом отмеченных путях? Теперь, когда бесчисленными страданиями Россия добивается правды (пускай еще не осознанной или пока осознанной неправильно) — нам ли, «забортному грузу», — пытаться дать крен ее историческому кораблю? Нет, мы должны по мере сил своих стараться направить революцию в ее истинное русло, мы не можем отказываться от нее, отказываться от народа, который мудрее нас, ибо за ним века опыта и страдания, и он более чем кто-либо чувствует, где правда. Перед народом и во имя народа — мы должны воздвигнуть (ныне еще незримый для него) стяг нашей мессианской Исторической Идеи.

Принимая Революцию и глядя *дальше* ее, видя новые горизонты, раскрывающиеся перед Россией, мы тем самым с Россией себя связываем, — с извечной и неумирающей Россией, не с Им-

перией Российской вчерашнего дня, не с СССР дня сегодняшнего, но с Россией перед Лицом Божиим, стоящей над временем и выше всего временного.

У многих естественно должен возникнуть вопрос: — хорошо, наша задача — содействовать национализации революции, ускорить эту национализацию. Но как? Что надо для этого делать здесь, в эмиграции? Или надо ехать в Россию и там включаться в процесс?

Прежде всего — мы должны твердо знать, чего именно *не надо делать*: не мечтать об интервенции, не призывать к актам саботажа и вредительства, не ставить знака равенства между Россией и комвластью, между коммунизмом и Революцией. Не возвращаться легально в Россию, ибо там придется или отказаться от себя, от всего самого ценного и заветного — или молчать; ибо Слово наше еще не выковано.

Не менее ясно то, что нам *надо* делать. Прежде всего, понять совершающееся в России, всю его «не случайность», всю его историческую предначертанность.

Для этого: 1) Заняться, прежде всего, повышением собственной квалификации, собственной культурности, политической грамотности. 2) Внимательно следить за всем тем, что творится в России; читать советскую литературу, газеты, журналы. 3) Единственное, — но, может быть, и самое важное, что мы должны дать России, — это *по-новому осознанную ее Вечную Историческую Идею*. Там люди идут ощупью, инстинктом, говорят не те слова, молятся чужим богам; идут бессознательно и потому ошибаются, попадают в ямы и тупики. *Мы должны блоковским «Двенадцати» показать ведущего их Христа*. 4) Для этого работа наших передовых пореволюционных мыслителей и ученых должна вестись не дезорганизованно, как теперь, — а *концентрически и плано*во. В эмиграции имеется для этого полная возможность: надпартийный, объединительный журнал «Утверждения». Пора прекратить все еще существующее растаскивание Идеи по частям, в свои партийные будки, для обращения ее изуродованных частей на потребу отдельным течениям. Надо, наконец, понять свой долг и великую ответственность перед Россией. 5) После того как пореволюционная идеология («Российская Историческая Идея в ее проекции на современность») будет наконец оформлена и четко выражена — наши молодые кадры смогут тронуться в последний и великий путь: через границы, на борьбу — за душу России.

